

nens der betreffenden Artikel). Der dritte Band enthält außerdem einige Photos und Sprachkarten, ein Verzeichnis der wissenschaftlichen Veröffentlichungen des Verfassers (S. 547—562), ein Namen- und Sachregister (S. 563—592) sowie ein Wortregister (S. 593—617) der drei Bände, ferner Corrigenda auf den Seiten 618—619.

Es ist zu begrüßen, daß diese Bücher — Dank dem Kriterion-Verlag — herausgegeben wurden. Damit sind nämlich auch solche wichtige Studien des Verfassers zugänglich gemacht, die uns — im Ausland — früher nicht zur Verfügung standen (z. B. in Siebenbürger Zeitschriften erschienene Artikel). Die drei stattlichen Bände (bzw. das Sach- und Wortregister sowie das Verzeichnis der wissenschaftlichen Veröffentlichungen des Verfassers als technische Hilfsmittel) ermöglichen uns die vielseitige und erfolgreiche linguistische Tätigkeit von A. Szabó T. kennenzulernen. Weil die Bücher A. Szabó T.-s auch reichlich neues sprachliches Material enthalten (es soll vor allem auf die wortgeschichtlichen Angaben seiner Artikel hingewiesen werden), sind sie auch als Quellen gut brauchbar. Alles in allem: das Erscheinen dieser Bücher ist ein großer Gewinn für die Linguistik. Wir hoffen, daß A. Szabó T. — Doyen der ungarischen Sprachwissenschaftler in Siebenbürgen — seine Tätigkeit weiterhin so erfolgreich

fortsetzen kann und wird — auch zum Nutzen der Finnougristik.

An dieser Stelle möchte ich ein paar Worte auch über die Tätigkeit des Kriterion-Verlages in Bukarest sagen, um die Leser der SFU auf die im genannten Verlag erschienenen und erscheinenden ungarischen linguistischen Bücher aufmerksam zu machen. Vor einigen Jahren wurde der Kriterion-Verlag in Bukarest gegründet. Es ist seine Aufgabe, die Minoritäten in Rumänien mit muttersprachlichen Veröffentlichungen zu versorgen. Einen großen Teil der im Verlag erscheinenden Bücher machen ungarischsprachige Veröffentlichungen aus, die in Cluj gedruckt werden. Die bisherige Auswahl bei der Herausgabe ungarischsprachiger Bücher zeugt von einer lobenswerten Arbeit der Verlagsdirektion. Es werden nämlich Bücher herausgegeben, die dazu bestimmt sind, echte Bedürfnisse zu befriedigen. Man kann mit Recht sagen, daß für diese Bücher ein echtes Interesse vorhanden ist, und zwar nicht nur in Rumänien, sondern auch im Ausland (vor allem natürlich in Ungarn). Die im Kriterion-Verlag erscheinenden ungarischsprachigen — vor allem linguistischen — Bücher sind auch für die finnisch-ugrische Forschung von Bedeutung. Leider aber sind diese Bücher augenblicklich für viele Uralisten und auch Institute völlig unbekannt.

JENO KISS (Budapest—Göttingen)

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.3.10>

А.-Р. Хаузенберг, Названия животных в коми языке.
(Сравнительно-исторический анализ), Таллин 1972. 238 стр.

О названиях животных написаны как небольшие статьи, отдельные этимологии, так и подробные монографии. Немало этимологических описаний и о коми названиях животных. Однако до сих пор отсутствовало обобщающее и систематизированное изложение вопроса. Этот пробел восполнила монография А.-Р. Хаузенберга.

Автор использовала очень разнообразный материал. Для регистрации коми названий ею просмотрены собрания коми фольклора и материалы диалектологических экспедиций, хранящиеся в архиве

Коми филиала АН СССР, опрошены сотрудники — носители различных коми-зырянских диалектов. Значительна и коллекция названий животных, собранная автором во время лингвистических экспедиций в малоисследованные районы Коми АССР в 1969—1970 гг. Кроме того, использованы обширная теоретическая литература, работы по названиям животных в коми и родственных ему языках, старые и новые словари коми и других финно-угорских языков и т. п. Одним словом, на богатом фактическом материале родилось весьма интересное, содержатель-

ное и отлично выполненное научное исследование, которое заинтересовало не только лингвистов, но и широкий круг читателей в Коми АССР.

Автор поставила перед собой цель «со всей возможной полнотой представить одну из таких лексических групп — названия животных в коми языке» (стр. III). Материал монографии ограничивается названиями млекопитающих — домашних и диких животных, распространенных в ареале коми языка.

Выбор темы обусловлен необходимостью освещения тех пластов лексики, которые в определенной своей части становятся все более недоступными. Часть слов исчезает или заменяется новыми, часть, а именно — названия разных возрастных категорий, теряет строгую соотношенность с той или иной группой, смешивается в употреблении.

Работа А.-Р. Хаузенберг всесторонне интересна, два ее аспекта заслуживают, как мы полагаем, особого внимания. Имеется в виду этимологическая (словарь названий животных) и теоретическая (анализ системы названий животных, опирающийся на эти этимологии) части работы.

Вряд ли есть необходимость еще раз подчеркивать, что этимологии в большей мере, чем другим областям языкознания, присущи нестрогость методов и субъективность оценок. Поэтому стремления преодолеть эти недостатки заслуживают всяческого поощрения.

В рецензируемой работе использован сравнительно-исторический метод с широким привлечением материала родственных и неродственных языков, что, конечно, повышает ценность исследования, обогащая его фактическую часть. Принцип изложения — приспособление работы для нужд этимологического словаря.

Во введении дана краткая характеристика естественно-географических условий, в которых живут коми, отмечено, что они как исконные обитатели лесной полосы сохранили свои охотничьи традиции вплоть до наших дней, а это способствует сохранению древних названий зверей. Что касается домашних животных, автор подчеркивает: «... коми пришли в соприкосновение намного позже и начали уделять больше внимания животноводству по примеру скотоводческих племен, засе-

лвавших территорию к югу от поселений коми» (стр. VI). Это положение подкрепляется целым рядом примеров, которые между прочим свидетельствуют и о древних контактах между различными народами.

Хотя «Краткий этимологический словарь коми языка» (1970) уже создан и содержит много этимологий зоонимов литературного языка, в работе А.-Р. Хаузенберг из представленных строго систематизированных 222 этимологий большая часть разработана впервые. А.-Р. Хаузенберг так говорит о своем методе: «То или иное название, взятое в отдельности, не всегда позволяет правильно судить о происхождении слова. При этимологизации названий животных играют важную роль другие названия того же животного, их географическая распространенность, фонетические и семантические варианты, даже названия того же животного в неродственных языках» (стр. VI—VII).

Автор приводит множество лингвистических фактов, доселе неизвестных коми лексикологии, не зафиксированных в словарях, и тем самым существенно расширяет наши представления о словарном составе коми языка.

Внимания заслуживает тот факт, что суффикс уменьшительности *-ань* в *кукань* 'теленка' вторичен и сначала указывал просто на женский пол, на самку (как самостоятельное слово означает 'женщина'), ср. клички коров — *Гёрдань* 'Краснуха', *Серань* 'Пеструха', *Сьёдань* 'Чернуха' (стр. 75). Приведем дополнительные примеры с *-ань*, указывающие на женский пол: *Сань* — кличка теленка, родившегося утром, *Лунань* — кличка теленка, родившегося днем, *Рытань* — кличка теленка, родившегося вечером, *Войань* — кличка теленка, родившегося ночью. Аналогичное явление наблюдается и в тюркских языках.¹

Привлекательно стремление автора критически разобраться в предшествующей этимологической литературе. Существенно уточнены, к примеру, статьи: *кутян* 'щенок', *кынь* 'песец', *ош* 'медведь', *кидас* 'помесь куницы и соболя', *чужмёр* 'горностай', *йёра* 'лось', *орда* 'бурундук', *пеж*

¹ См. А. М. Щербак, Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков, Москва 1961, стр. 97.

'молодой олень'. Впервые введены в научную литературу этимологии следующих названий: *сеч* 'песец', *сан* 'росомаха', *аньча* 'норка', *каргич баля* 'овца, оягнившаяся, не достигнув зрелого возраста', *кырзвик* 'кабан'.

Во второй части рецензируемой монографии теоретически осмыслен этимологический материал ее первой части. Автор условно разделяет зоонимы по их происхождению на три группы: 1) древние, имеющие параллели в родственных языках; 2) заимствования; 3) названия, образованные в коми языке.

Далее А.-Р. Хаузенберг останавливается на морфологической структуре коми зоонимов, среди которых выделяет несоставные (однокорневые) и состоящие из двух, трех и более корней. Данный раздел богат ценными наблюдениями и выводами о функциях отдельных суффиксов, о структурах составных зоотерминов.

Весьма интересен раздел «Семантический анализ зоонимов коми языка». Автор прослеживает, на каких основах строится наименование животного мира, и выделяет принципы их номинации: 1) родо-половая характеристика животного; 2) возраст; 3) хозяйственное назначение; 4) экстерьер; 5) повадки и образ жизни животного.

На наш взгляд, в принципах номинации животных известную роль сыграли также различного рода культовые представления. Животные в повседневной жизни человека, охота на них, борьба с ними в разное время отражались в мировоззрении человека по-разному. Наиболее значительным был период, когда вследствие ложного понимания отношений между человеком и животным миром устанавливалась зависимость человека от последнего или предполагалось наличие третьих, сверхъестественных сил. С этим периодом связано, в частности, возникновение табуистических названий, на которых автор останавливается в заключительной части работы, например: *кузь-бõж* 'лиса', букв. 'длинный хвост'; *лëк зьвер* 'волк', букв. 'злой, плохой зверь'; *дзор-старик* 'мсдведь', букв. 'седой старик'; *небыд-кок* 'соболь', букв. 'мягкая лапа'; *сьõдбõж* 'горноста́й', букв. 'черный хвост'; *кузь-кок* 'лось', букв. 'длинная нога' и др., многие из которых впоследствии, утратив этимологическую прозрачность, стали

нейтральными в культовом отношении, обычными словами.

Достоинство рецензируемой работы, несомненно, и в том, что для сравнения приводятся данные других финно-угорских языков, особенно если речь идет о параллельно возникших названиях в разных языках, например, коми *сьõдбõж* 'горноста́й', мар. *шимпач* то же; коми *нярборд* 'летучая мышь', эст. *nahknõr* и вод. *nahkanõrũ* то же.

Следует заметить лишь некоторые критические замечания, возникшие при чтении книги. На стр. 58 *учи-кычи* 'ласка' рассматривается как ономапоэтическое, на что «указывают звуковой повтор и обилие вариантов». Данное название, по видимому, представляет собой сложное слово, первая часть которого *уч(и)* связана с коми-перм. *уч(õt)* и коми-зыр. *уч(õt)* 'маленький', а вторая — с *-кычи* 'щенок', *учи-кычи* букв. 'маленький щенок'. Это предположение подкрепляется следующими словами: коми *уч-чõд* 'вороника', букв. 'маленькая черника'; *уч-шнь* 'тетка', букв. 'маленькая, молодая женщина'; *уч-монь* 'молодуха', букв. 'маленькая невестка' (ССКЗД).

На стр. 16—17 автор утверждает, что иж. *кузьнеч* 'лиса', вероятно, древнее табуистическое название и трактуется как сложное слово: *кузь* 'длинный' + ? *неч*. По мнению автора, второй компонент в его современной форме как самостоятельное слово не известен и первоначально мог относиться к наиболее характерной части тела лисы — к хвосту.

На наш взгляд, *кузьнеч* (правильнее *кузьнеч*) действительно табуистическое название и его дословное значение 'длинный, продолговатый, большой клубок'. Второй компонент *неч* сохранился в лещо-лузском диалекте коми языка в значении 'мяч' (ССКЗД, 'клубок из шерсти' (Объячево, собственные наблюдения).

Спорными нам представляются объяснения названий *вина-шыр* 'северная мышовка' и *войдур* (*войжур*, *войжыр*, *вой-зур*) 'летучая мышь'. Так, при этимологизации второй части *-дур*, *-жур*, *-жыр*, *-зур* можно было бы привлечь такие образования, как коми *кальõ-зур* 'майский жук', удм. *зур-муш* 'трутень', мар. *шыре* то же.

К сожалению, из поля зрения автора совсем выпали следующие названия жи-

вотных: иж. *яндю* 'северная овчарка' (нен. *яндю*); иж. *няблৌ* 'осенний теленок' (нен. *няблৌ*); иж. *нявута*, *нявутса* 'отелившаяся годовалая важенка' (нен. *нявця*); иж. *пэндук* 'двух-трех-месячный оленин теленок' (нен. *пэндуй*); нв. *пороль* 'бык-производитель' (рус. *пороль*); иж. *сюндуй* 'безрогий олень' (нен. *сюнды*); нв. *тегö*, *тегур* 'баран-производитель' (тат., башк. *тәкә*, тур., туркм. *тэкэ*); иж. *халты* 'ездовой бык' (нен. *хабт*); иж. *ядей* 'важенка (самка оленя)' (нен. *ядей*) и др.

Как видно из сказанного, замечания по

J. Peeto, «Kalevipoja» sõnavara. Väitekirj filoloogiakandi-daadi teadusliku kraadi taotlemiseks, Tartu 1973.

4 мая 1973 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации старшим преподавателем Яаком Пеэбо на тему «Словарный состав эпоса «Калевипоэг»». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук О. Кыйва (Тарту).

«Калевипоэг» как первое крупное национальное произведение имеет особое общественное и общекультурное значение. Оно появилось в прошлом веке накануне зарождения национального движения и поэтому влияние его не могло ограничиться лишь литературной сферой: идеализируя древнюю свободу и призывая к борьбе с рабством и угнетением, «Калевипоэг» стал существенной опорой развивающемуся демократическому общественному движению.

При этом «Калевипоэг» представляет собой произведение, которое привлекает внимание исследователей уже в течение более ста лет, оно противоречиво как по содержанию, так и по элементам формы. Противоречива уже история создания его: сначала Крейцвальд предполагал его как прозаическое, затем по примеру «Калеваль» решил придать ему форму старинной народной песни. Противоречив главный герой «Калевипоэга», который, хотя и является королем и фантастическим богатырем, прежде всего крестьянский герой, строитель, мореплаватель. Будучи

отдельным этимологиям незначительны, особенно если учесть большой объем исследования и внушительное количество частных наблюдений этимологического характера. Выводы автора заслуживают самой высокой оценки.

А.-Р. Хаузенберг собрала, тщательно систематизировала, исследовала и ввела в научный обиход большой фактический материал по малоразработанному разделу пермского языкознания.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

идеальным героем, Калевипоэг в то же время человек с противоречивым характером и внутренним миром, со слабостями, совершающий роковые ошибки. Противоречив и не до конца выдержан и язык эпоса, его лексика, рассмотрение которой и является целью диссертации Яака Пеэбо.

Так как Ф. Крейцвальд сыграл значительную роль в обогащении лексики эстонского литературного языка неологизмами, весьма актуален анализ лексики его основного произведения «Калевипоэг». Автор диссертации осознает, что настоящий уровень лексикологии эстонского языка при наличии лишь немногочисленных предварительных исследований, освещающих отдельные периоды в развитии литературного языка, позволяет решить далеко не все вопросы, связанные с лексикой «Калевипоэга».

Основная задача исследования — охарактеризовать лексику «Калевипоэга», особенности ее системы на уровне письменности рассматриваемого периода. Затем автор работы выясняет происхождение лексики эпоса, ее основные источники и дает общую оценку роли «Калевипоэга» в обогащении словарного состава эстонского языка.

Для рассмотрения этой многосторонней проблемы Я. Пеэбо необходимо было сравнить лексику «Калевипоэга» с лексикой других произведений Ф. Крейцвальда, имевшихся в его распоряжении записей и опубликованных сборников народных песен, а также с другими более ран-